

С. Н. АРТАНОВСКИЙ,

профессор кафедры теории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук

МОЙ ОПЫТ РАБОТЫ С АСПИРАНТАМИ

*Молодым — дерзать и открывать новое.
Пожилым — подводить итоги и делиться
опытом. Вместе — стремиться
«вырастить новую культуру
из старых корней».*

Т. С. Элиот

За долгие годы моей педагогической деятельности 18 моих аспирантов защитили диссертации. Это не так уж много. Считая участие в обсуждении диссертаций на кафедре и оппонирование, материала для обобщений все же накопилось немало. Попытаюсь наметить некоторые положения, относящиеся к методике работы с аспирантами. Многие из них известны, другие могут вызвать споры. Я отобрал лишь те, которые освоены мной на опыте.

Прежде чем перейти к теории, скажу несколько слов о судьбе своих аспирантов. Одного из них, Александра Сергеевича Запесоцкого, мы все отлично знаем и уважаем. В академических кругах нашего города известна и О. И. Даниленко, в настоящее время профессор Санкт-Петербургского университета. Но большинство моих аспирантов уехали в провинцию. Там они почти все заведуют кафедрами в Институтах культуры. Аспиранты из Литвы и Эстонии, с которыми у меня раньше были не только деловые, но и хорошие дружеские отношения, в последнее время исчезли с моего горизонта. Остальные изредка напоминают о себе. Г-н Мамбеков написал мне, что получил назначение дипломатическим представителем Республики Казахстан в Париже.

Важный этап — выбор темы диссертации. Желательно (и действует вдохновляюще), чтобы аспирант приходил со своей темой. Но, увы, такие случаи редки. Вспоминаю, что О. И. Даниленко, придя ко мне впервые, сказала: «Сергей Николаевич, я хочу изучать обаяние». — «А вы можете сказать, что это такое?» — «Конечно. Обаяние — это способность привлекать, завлекать, каким-то незаметным волшебством привораживать. Протягиваются невидимые нити, устанавливаются скрытые связи между обаятельной личностью и человеком, испытывающим обаяние; эти нити соединяют самые глубинные основы человеческих душ. Нас охватывает радость бытия, мы обретаем новые жизненные силы, наше самоуважение растет. И более широко: окружающий мир обретает для нас новую ценность».

К сожалению, аспиранты с обаянием встречаются редко. Остальным приходится предлагать темы и, как правило, они без размышления их принимают. Я почти всегда имел наготове список заранее продуманных тем из 10–15 названий. Эти темы я измышлял сам, но это не лучший вариант. Если список их составлен общими усилиями на кафедре, это расширяет возможности выбора и уменьшает субъективность предложения. Но тут-то и таится опасность — научный руководитель в своем предложении обычно (и естественно) исходит из собственных научных интересов. Между тем надо думать об аспиранте, его склонностях, подготовленности, перспективах его будущей (а иногда и уже имеющейся) трудовой деятельности. После перестройки в нашей стране пошла мода предлагать молодым

людям темы по русской религиозной философии. Само по себе это неплохо, но по опыту знаю, что их нередко предлагали юношам и девушкам, неверующим и, главное, совершенно незнакомым с азбукой христианского учения. Я беседовал с несколькими из них и выяснил, что, уже заканчивая диссертацию, они не читали Евангелие и даже не могли в каноническом порядке и без ошибок перечислить имена четырех евангелистов.

Теперь я подхожу к пункту, который представляется мне особо важным. Тема диссертации должна быть конкретной (разумеется, проблемной) и находящейся в определенных границах. Кандидатская диссертация (в отличие от докторской) не должна обязательно блистать новизной идей. Совсем новые идеи, как известно, редки в истории науки. Кандидатская диссертация — еще наполовину учебная работа. И давать тему следует вместе с коротким списком уже опубликованных работ по данной теме. Задача кандидатской диссертации — освоить уже накопившийся материал и отчасти расширить его рамки. Основной смысл кандидатской — научить молодого человека технике научной работы.

Исходя из сказанного выше, не надо давать аспирантам слишком широкие и сложные темы. Пускай научная проблема будет не столь уж значительна — лишь бы работа была аккуратно и осмысленно выполнена. И потому идеи своего руководителя диссертант может использовать даже без особых ссылок. На диссертации стоит имя руководителя, и это — право считаться соавтором исследования. Если диссертант что-то списал — руководитель должен строго указать ему на его некорректность.

Покойный Э. В. Соколов, который вообще-то успешно работал со своими аспирантами и относился к ним с редкой человечностью, имел, однако, привычку предлагать им темы вроде следующей: «Вечные образы: Гамлет, Дон Кихот, Фауст». И некоторые аспиранты соглашались, но дело кончалось тем, что на втором или третьем году аспирантуры им приходилось менять тему. Настоятельно рекомендую научным руководителям не давать тем вроде «Концепция русской культуры у *N.*» или «Восток и Запад: притяжение и отталкивание». Об этих материях писать диссертации можно и должно, но лишь выделив в качестве темы диссертационного исследования один конкретный, строго очерченный предмет, определенный аспект проблемы.

Но, увы, я присутствовал на многочисленных кафедральных обсуждениях и заседаниях диссертационного Совета и доподлинно знаю, что реализуется это правило — повторяю, конкретности, четких границ, инициальной

снабженности минимумом литературы — совсем не так, как хотелось бы.

Другой момент в работе с аспирантами, который я хотел бы отметить, это характер работы с ними. Конечно, чтение работ аспиранта и вообще контроль за его трудовой деятельностью в аспирантуре необходим. Это известная истина. Но еще важнее разъяснить аспиранту смысл основных понятий, которые он использует в работе, побеседовать с ним о предмете его исследования, постараться внушить ему, что его исследование имеет человеческий смысл, затрагивает интересы и духовные устремления наших соотечественников. Весьма желательно, чтобы атмосфера встреч руководителя и аспиранта была по возможности неформальной, чтобы аспирант чувствовал себя не школьником, которому дает задание строгий учитель, а собеседником, участником философического обмена мнениями, а то и спора. Вспоминается анекдот из времен Средневековья, когда в немецких университетах на одного студента приходилось по одному профессору: студент каждый вечер приходил к профессору пить чай, потом женился на его дочери и в конце концов из него получался весьма эрудированный профессор.

Помню подобные чаепития у моего руководителя В. П. Тугаринова. Лекции читал он скучновато — и к тому же довольно редко, будучи деканом факультета. Зато дома, за чайным столом он становился совсем другим: живо и увлекательно, иногда в стиле народного говора (он был сыном сельского священника, за что натерпелся горя в большевистское время), рассказывал о людях, которых встречал в жизни, об их взглядах и идеях. И его рассказ был интересен и поучителен для молодого человека, каким я был тогда.

В 1970–1980-е гг., пока «костлявая рука» послеперестроечного оскудения не схватила меня за горло, я, живя холостой жизнью в просторной квартире, всегда принимал аспирантов у себя дома, нередко ходил с ними в кино, в театр или приглашал их на свою дачу, на природу; они были моими друзьями, если хотите, моей «свитой». Мы говорили о новых книгах, оценивали вместе те или иные выставки — Сомова, современной французской живописи или, например, экранизацию русской или зарубежной классики и т. д. Наверное, так они учились чему-то у меня, а я учился у них.

Начиная с 1990-х гг. все стало иначе. Появилась возможность говорить свободно, не прячась за затверженные со школьных лет марксистские формулы, и это было хорошо, но материальное обнищание всей сферы образования больно ударило по качеству работы с аспирантами. Приходишь читать лекцию

аспирантам — полупустая аудитория. Спрашиваешь: «Где же Иванов, Петров, Сидоров? Они еще на прошлой неделе были здесь. Я помню, как они внимательно слушали, задавали вопросы. Почему же их нет сегодня? Или им не понравились мои лекции?» «Нет, — отвечают мне, — они отсутствуют не по-этому. Они работают». Или: «Почему не пишешь, я же вижу, ты умница, умеешь писать, — так хорошо написал первый параграф, но где же остальная диссертация?» — «Ничего не могу поделать. Работа».

Данная проблема находится за пределами моих педагогических воспоминаний и рекомен-

даций — это социальная проблема. Сегодня многие вопросы образования уходят корнями в социальную действительность, и решать эти задачи нашему обществу нужно в первую очередь не на педагогической стезе. Но и нам, педагогам, можно здесь кое-что сделать: нести в среду учащихся идеи добра, справедливости, внутренней красоты человека. Русская интеллигенция со времен Н. И. Новикова всегда боролась за *Правду*, и многие ее представители жестоко поплатились за это. Постараемся же удержаться на нравственной высоте, на которой были наши отцы, деды и прадеды.